

Конькова О.И. Ижорский мир: Формирование и конструкция. Пространство и время // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России». Архангельск, 2006.

Народные песни Ингерманландии. Л., 1974.

Suomen kansan vanhat runot. III, 1-3. Länsi-Inkerin runot. Helsinki, 1915-1924. IV, 1-3.

Keski-Inkerin runot. Helsinki, 1925-1928. V, 1-3.

Itä- ja Pohjois-Inkerin runot. Helsinki, 1929-1931.

Л.С. Лаврентьева

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ М.А. КРУКОВСКОГО

Корреспондентами МАЭ были разные люди, известные и менее известные: ученые, коллекционеры, художники, фотографы и т.п. Одним из корреспондентов МАЭ стал автор научно-популярных очерков и альбомов по этнографии народов России М.А. Круковский. В отделе хранятся его иллюстративные коллекции (№№ 1336, 1919, 2354) и одна предметная коллекция (№ 504).

Только в 2007 г. дочь (от первого брака) Михаила Антоновича Круковского Софьей Михайловной была составлена биографическая справка об отце: «Родился в 1865 г. в Режице Витебской губ., умер в 1936 г. в Ташкенте. В начале 1890-х гг. работал писарем в волостном правлении Нижегородской (?) губернии (по другим сведениям — в Псковской губернии)» (см. ссылку на Интернет-сайт в библиографии).

Связи М.А. Круковского с Музеем, вероятно, начались в конце XIX в., когда он вместе с женой С.К. Круковской (в девичестве Бурэ) приехал в Петербург (1899 г.).

В одном из писем на Историко-филологическое отделение Императорской Академии наук от 6 апреля 1899 г. В.В. Радлов просит для фотографа любителя Михаила Антоновича Круковского, исполнявшего фотографические работы по заказу Музея, ныне отправляющегося в губернии Олонецкую и Пермскую для составления альбомов видов и типов населения этих губерний с мая по сентябрь, заготовить свидетельства или открытые листы [Архив РАН. Ф. 142. Оп.1. Ед. хр.53. Л. 99–100 об.].

В то время молодые супруги жили на Васильевском острове (15 линия, д. 38). В течение пяти лет они совместно занимались изданием ежемесячного художественно-литературного журнала для детей школьного возраста под названием «Товарищ», который начал выходить с 1900 г. С.К. Круковская, будучи географом, составляла для журнала географические очерки. Сам Круковский писал детские повести и рассказы. В это же время он овладел и фотографическим искусством, организовал кустарную цинкографическую

мастерскую, где сам изготавливал клише и обеспечивал иллюстративную сторону издания.

В 1903 г. было задумано издать приложение к этому журналу — альбом «Мир в картинках», который бы выходил раз в месяц. Первые 12 альбомов назывались «Россия в картинках». За эту серию и взялся М.А. Круковский.

Обложка альбомов была оформлена художником И. Билибиным. В первый выпуск вошли Петербург и Прибалтийский край, во второй — Финляндия и Северный край, в третий — Центральные губернии (Великороссия), четвертый — Белоруссия, Литва, Польша, пятый — Урал и Поволжье, шестой — Малороссия, Бессарабия, Крым, седьмой — Кавказ, восьмой — Средняя Азия и девятый–двенадцатый — Сибирь. Всего предполагалось издать двенадцать альбомов, которые выходили бы каждый месяц.

М.А. Круковским было составлено только восемь выпусков альбома «Россия в картинках». В 1904 г. журнал был закрыт цензурой.

Все рисунки, помещенные в выпусках альбома «Россия в картинах», были приспособлены для чтений с волшебным фонарем, поэтому и изготавливались фотографическим способом на коллодионно-желатиновых пластинах замечательной прозрачности, не бьющихся и легких по весу. Последнее качество делало их удобными для пересылки по почте.

Первый выпуск альбома открывался Предисловием, составленным Михаилом Круковским. Приходится только удивляться, что краткое предисловие не утратило своей актуальности и сегодня.

«Знакомство с родиной, как и вообще с миром, с людьми, их нравами и обычаями имеет то громадное воспитательное значение, что оно расширяет круг зрения человека, переносит его в другие места, в другую жизнь, делает его сопричастным этой жизни» [Россия... 1903: 3].

В 1905 г. М.А. Круковский жил в Петербурге на Архиерейской улице, д. 2а, кв. 2 со второй женой (Лузина Ольга Карловна), которая была земским врачом. Дальнейшая жизнь М.А. Круковского, как пишет его дочь Софья Михайловна, стала определяться профессией его жены. В 1905–1906 гг. М.А. Круковский работал переселенческим агентом в Семипалатинской области. С 1907 по 19016 гг. семья жила в селе Хотимль Ковровского уезда Владимирской губернии и с 1916 по 1918 гг. — в селе Усе-Степановке Бирского уезда Уфимской губернии.

М.А. Круковский в эти годы занимался огородничеством и фотографической работой и написал большую часть своих книг, которые издавались А.Ф. Деврионом, М.О. Волфом, И.Д. Сытиным, К.И. Тихомировым и другими издателями того времени. Особенно много книг вышло в издательстве К.И. Тихомирова.

Перу М.А. Круковского принадлежат 24 изданные книги. Значительную их часть представляют детские повести и рассказы — книги о бедных детях, детях труда, детях в борьбе с природой. М.А. Круковский выпустил также целый ряд географических изданий, которые в большинстве случаев иллюстрированы его собственными фотографиями или рисунками, выполненными

ми художниками, возможно, и по фотографиям М.А. Круковского. Из письма М.А. Круковского в Музей от 10 февраля 1914 г. мы узнаем, что он уже 25 лет путешествует по России и им составлено около 50 книг. Таким образом, получается, что добрая половина его работ нам до сих пор неизвестна [Архив РАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 55 об.].

По предложению Академии наук им была совершена экспедиция в Олонецкий край. Как итог поездки появилась книга «Олонецкий край. Путевые очерки» (СПб., 1904), а фонды Музея антропологии и этнографии пополнились богатейшей коллекцией фотографий (283 отпечатка) по русским и карелам Олонецкой губернии (колл. № 1363), а также коллекцией предметов русского и карельского быта. Через 10 лет в одном из писем в Музей М.А. Круковский напишет «...в Олонецком крае, откуда я вывез и представил Музею собранную коллекцию <...> находится жемчужный кокошник олончанок, стоящий 125 р., жемчужные серьги, серебряные старинные кресты, очень дорого стоящая икона старинного письма, разные поделки и много других этнографических предметов» [Там же. Л. 54]. В 1909 г. была издана еще одна большая монография «Южный Урал. Путевые очерки». (Изд-во Тихомирова, 1909). В 1911 г. от М.А. Круковского в Музей поступает большое собрание фотографий (382 фотоотпечатка) по Южному Уралу, где представлено все этническое разнообразие этого региона (колл. № 1919).

При сборе сведений о М.А. Круковском все время вставал вопрос: почему он в 1919 г. переехал в Сибирь? Сначала он заведывал Барнаульским краеведческим музеем, а затем обосновался в г. Камень-на-Оби.

В 1905 г. он жил в Петербурге, и в это время особенно активно сотрудничал с Музеем. Об этом говорит его переписка с В.В. Радловым. Из заявления М.А. Круковского от 18 февраля 1905 г. мы узнаем, что он был дворянином. В заявлении он просил «командировать его в Оренбургскую, Уфимскую, Пермскую и Вятскую губернии с целью этнографического обследования этих мест, фотографической съемки и собирания предметов по этнографии» [Там же. Ед. хр. 50. Л. 329–329 об.].

И уже 14 августа 1905 г. он пишет со станции Усть-Катав Уфимской губернии с просьбой выслать деньги и новый открытый лист [Там же. Л. 367–367 об.].

О том, что М.А. Круковский был дворянин говорит и его Открытый лист от 21 февраля 1905 г. за № 8: «Музей Антропологии и Этнографии имени Петра Великого при ИАН сим удостоверяет, что предьявитель сего, дворянин Михаил Антонович Круковский отправляется в губернии: Вятскую, Пермскую, Оренбургскую и Уфимскую для собирания Этнографических коллекций — почему Музей просит местных Начальствующих Лиц и все учреждения, с которыми М.А. Круковский войдет в сношения при исполнении данного ему поручения, а равно на пути следования к месту всякое содействие для успешного выполнения возложенного на него поручения, ради

чего и выдан ему, Круковскому, сей Открытый Лист за надлежащим подписанием и приложением Казенной печати.

По истечении 6 месяцев сей Открытый Лист должен быть возвращен в Музей.

Директор Академик, Тайный Советник В. Радлов» [Там же. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 27, 40].

В своем письме в Музей от 10 февраля 1914 г. М.А. Круковский предлагает бесплатно свою коллекцию фотографий по переселенцам Сибири. Из письма мы узнаем, что он, 17 лет путешествуя по России, пользовался Открытыми листами Музея. Как писал М.А. Круковский, «благодаря ему, т.е. листу, только мной произведена была, например, небывалая съемка уральских мусульман (через Муфтия), зарегистрированы неизвестные до сих пор нагайбаки и пр. (письмо от 20 марта 1914 г. ст. Алексино, Владимирской губ, с. Хотимль. Врачебный пункт).

В письме Круковский предлагает Музею коллекцию фотографий по переселению и этнографии Западной Сибири, куда он ездил два последних года (т. е. в 1913 и 1914 гг.). Районами обследования стали Карасукская и Кулундинская степи, среднее и верхнее течение Оби, предгорья Алтая. М.А. Круковский сетует, что «много негативов погибло, так как дважды приходилось тонуть в Чумыше и на Уби». Кроме того, он сообщает, что «вещей по переселенцам собрать не удалось». Таким образом, можно сказать, что МАЭ, вероятно, является единственным Музеем, который хранит вещи, собранные М.А. Круковским. В этом же письме, как бы оправдываясь, он пишет, что «ни в какие другие музеи мной не было предоставлено ни одной этнографической вещи, исключая фотографии...» [Там же. Ед. хр. 67. Л. 54–55 об.]. Действительно, фотографии М.А. Круковского хранятся в фондах Российской национальной библиотеке, Российского этнографического музея и европейских музеях.

Свою работу М.А. Круковский оценивал следующим образом: «Коллекцию свою я строго систематизирую, не гоняясь за количеством, снимаю лишь то, что нахожу на месте необходимым для науки со своей точки зрения. <...> чтобы коллекция моя в каждом музее была представлена полностью, как законченный, цельный труд данного ученого...».

В 1919 г. М.А. Круковский вместе с семьей приехал в Камень-на-Оби. Из архивных документов, опубликованных в исследовании директора Каменского краеведческого музея Т.Н. Зенухиной [Зенухина 2003: 173–181], известно, что его сначала назначили заведующим земским отделом народного образования, а вскоре заведующим первой библиотекой в Камне, где он в одной из комнат разместил уцелевшие коллекции музея, создатели которого в 1919 г., скрываясь от колчаковцев, покинули город. Музею М.А. Круковский отдает все свои силы и время. В качестве помощников он привлекает учителей и студентов.

Для того чтобы пополнить коллекции музея, он задумывает научную экспедицию, и весной 1919 г. с двумя помощниками — учителем и студен-

том Томского университета — отправляется за сбором необходимого материала. Решено было собрать образцы флоры и фауны уезда, а также предметы быта и этнографии по шестнадцать образцов (по числу волостей). Все собранные вещи поступили в ведение Алтайского губернского музея, заведующим которого был назначен М.А. Круковский.

В Музей антропологии и этнографии попадали фотоматериалы именно из этой экспедиции.

В 1921 г. Круковский ушел из губмузея, переехал в Камень и опять приступил к организации музея, получив назначение зав. музеем политотдела при УОНО.

До 1927 г. М.А. Круковский становится заведующим Каменского краеведческого музея (г. Камень-на-Оби). В апреле музей переехал из библиотеки в другое помещение — в дом купца Пудовкина. На первом этаже размещался театр и кино, музей занял второй этаж. Вскоре музей снова переехал в новое здание, на берегу Оби. М.А. Круковский новым помещением был очень доволен.

Определив для себя глобальные рамки деятельности, М. Круковский с энтузиазмом стал заниматься собиранием экспонатов. В музее было шесть палат, в нижних помещениях — мастерская и лаборатория.

Только начавший работу музей вскоре прекратил свою деятельность, так как помещение отдали под воинские казармы. М. Круковский написал письмо в самые высокие инстанции, и вскоре в Камень пришла телеграмма за подписями Троцкого и Луначарского с требованием о возвращении здания музею. В апреле 1922 г. музей переезжает в свое помещение. М. Круковский вновь только своими силами приводит помещение в порядок, и музей начинает принимать посетителей.

М. Круковский стремился сделать музей научным учреждением, который, возможно, длительное время будет «единственным, высшим, учреждением» в Камне. Для того чтобы представить в музее быт коренных народов низовьев Оби, Круковский убеждает руководство ОНО в необходимости научной экспедиции по сбору экспонатов. Он получает согласие и составляет смету для приобретения экспонатов для музея. Смета ясно свидетельствует о том, что он хорошо представлял материальную культуру коренных народов Севера. Он планировал приобрести для музея остяцкий чум, зимний, из оленьих шкур; летний, берестяной; малицу, парку, кисы (пимы), чири (чулки), остяцкую лодку, шкуру оленя для чучела, идиолов, украшения, домашнюю утварь, охотничьи и промысловые принадлежности, силки, ловушки и т.д. [Там же: 174].

Об этой экспедиции вспоминает П.И. Юхневич: «В 1923 г. была организована поездка в низовья Оби к осякам и самоедам сотрудника музея Захарова. Результаты оказались хорошие: привезен в достаточном количестве этнографический материал, выменянный у населения на табак, муку и прочее. Всего 805 предметов».

Но самой интересной и обильной с точки зрения полученных результатов была экспедиция на Алтай, организованная М. Круковским в 1924 г. Экспедиция на Алтай была задумана давно, но к подготовке и реализации планов он смог приступить только в конце 1923 г., когда работа по музею была уже относительно налажена. Экспедиция работала на Алтае три месяца — с 20 июня по 1 сентября, обследовав район Телецкого озера, реки Бухтармы и истоки Иртыша. Экспедиция «за изысканием предметов по естественным наукам и этнографии» была результативной: привезено «предметов по зоологии — 300, по ботанике — 1200, по этнографии — 325, рисунков и эскизов — 85». Сам М. Круковский в этой экспедиции не был [Там же: 177].

Каким был Каменский музей, подробно описывает Нина Владимировна Круковская (приемная дочь М.А.): «Первая комната — археологический отдел, отдел нумизматики, геологические коллекции. Здесь были кости ископаемых животных. Особым интересом пользовался бивень мамонта больших размеров. Здесь также были собраны образцы самодельного оружия каменных партизан. Вторую и третью комнату занимали сельскохозяйственный отдел, отдел ботаники и зоологии. Здесь были собраны основные коллекции хлебов, трав, почв, коллекции вредных насекомых, чучела птиц, зверей, ботанические коллекции. Четвертая комната — этнографический отдел. Здесь были представлены предметы быта и одежды, макеты построек, музыкальные инструменты и т.д. Здесь же был манекен совершающего камлание шамана, различные атрибуты шаманского обряда; бубны, колотушки, идолы, костюмы. В пятой комнате располагался художественный отдел. Здесь были картины не только каменных, но и других художников, различные фотографии, стояло пианино и громадный патефон» [Зенухина 2003: 178].

Исследователью Каменского музея удалось найти описание музейной экспозиции, сделанное самим М. Круковским в 1926 г. Музей был любимым детищем Михаила Антоновича. Он неустанно хлопотал о расширении границ музейного участка, мечтая расширить сельхозотдел, построить оранжерею, устроить зверинец... Но финансирование музея было таким скудным, что заведующему приходилось постоянно обращаться к кооперативам с просьбой об оказании помощи. Постоянный отказ в деньгах не давал возможности воплотить планы в реальность, расширить отделы музея, к тому же не прекращались попытки отнять здание музея. Вдобавок у М. Круковского явно не сложились отношения с заведующим отделом народного образования, в чьем непосредственном подчинении находились музей и его заведующий.

Увлеченный науками, М. Круковский плохо вписывался в советскую действительность. Будучи беспартийным и к тому же дворянином, он подвергался постоянным нападкам; его обвинили в «академизме» и исключили из культпросветсоюза. Несмотря на то, что у Михаила Анатольевича было высшее образование, ему понизили разряд по оплате труда с 16 до 10, соответственно уменьшилась и заработная плата — с 40 до 26 руб. Семья у Кру-

ковского была достаточно большая: жена, Лузина Ольга Карловна, сотрудница окружной здравницы, ее дочь от первого брака Нина и сын, студент Томского университета.

В 1927 г. М. Круковский трижды писал заявление об увольнении, но их отклоняли. В октябре 1927 г. заявление об уходе было удовлетворено [Там же: 179]. В 1933 г. М.А. Круковский уезжает с семьей в Ташкент, где и умер в 1936 г.

В годы Великой Отечественной войны были практически полностью утрачены все коллекции музея, собранные как М. Круковским, так и его последователями. Не осталось в музее и фотографий М.А. Круковского.

В настоящее время только МАЭ является хранителем уникальной коллекции предметов, собранных М.А. Круковским, а возможно, и наиболее полным собранием фотографий.

Библиография

Зенухина Т.Н. М.А. Круковский и Каменский краеведческий музей // Краеведческие записки. Барнаул, 2005. Вып. 5.

Россия в картинках. СПб., 1903. Вып. 1.

http://www.petergen.com/krukowski/m_a_krukovski.html

Н.Е. Мазалова

МАГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ РУССКИХ «ЗНАЮЩИХ»

В отечественной науке магические практики обычно изучались как языческая составляющая в двоеверии. Вместе с тем едва ли справедливо понимать под язычеством весь комплекс магических представлений. Магия является не только частью языческих ритуалов, монотеистические религии также включают магические элементы [Мосс 2000]. Вероятно, это одна из причин, по которой магические и христианские элементы так органично соединились в единую систему — «народное православие». В последние десятилетия исследователи обратились к изучению народного православия как единого целого [Покровский 1981: 96-108; Смилянская 2003: 8-13]. На наш взгляд, такой подход представляется наиболее плодотворным, поскольку, как отмечал Н.И. Толстой, «христианство лишь частично уничтожило довольно свободную и во многих отношениях достаточно аморфную структуру язычества, поставило его в иные условия и подчинило более высокой иерархии ценностей <...> Такое народное христианское мировоззрение <...> нельзя считать и называть двоеверием, поскольку оно целно и представляет собой единую систему верований» [Толстой 1996: 146]. Таким образом, продуктивным является не изучение в отдельности христианских и магических элементов, а исследование разных форм сочетания магического и христианского компонентов в народной религиозности.